

Р. Д.
БЕННЕТТ

ROBERT JACKSON
BENNETT

CITY
OF STAIRS

Роберт Джексон
БЕННЕТТ

ГОРОД
ЛЕСТНИЦ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)
Б46

Серия «Мастера фэнтези»
Robert Jackson Bennett
CITY OF STAIRS

Публикуется с разрешения автора и его литературных
агентов, Donald Maass Literary Agency, Inc (США)
при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия)
Перевод с английского: *Марина Осипова*

Дизайн обложки: *В. А. Воронин*
В оформлении обложки использована иллюстрация
Дарьи Кузнецовой

Все изменения в именах и названиях согласованы с автором

Беннетт, Роберт Джексон
Б46 Город лестниц / Роберт Джексон Беннетт.— Москва: Изда-
тельство АСТ, 2017.— 558, [1] с.—(Мастера фэнтези).

ISBN 978-5-17-089272-3

Когда-то Божества правили Континентом, а значит, и всем ми-
ром, Сайпур же был всего лишь угнетенной колонией, лишённой
божественной благодати. Но в отсутствие чудес сайпурцы пош-
ли по технологическому пути развития и в результате не
только свергли континентальную власть, но и убили почти
всех Божеств, погрузив материк в хаос. Все, сотворенное
Божествами, исчезло, города лежат в руинах, местным жи-
телям запрещают изучать собственную историю и отпра-
влять религиозные ритуалы. Когда в Мирграде, столице
Континента, при таинственных обстоятельствах погибает
сайпурский историк, который исследовал местные леген-
ды, в город приезжает Шара Тивани. Официально она лишь
обычный культурный посол, а на самом деле один из самых
опытных шпионов Сайпура. Ее задача — найти убийцу, но
вскоре она понимает, что ставки в этом деле высоки как ни-
когда, что в Мирграде все не то, чем кажется, здесь водятся
настоящие чудовища, царят заговоры, верить нельзя даже
своим, а сведения о смерти Божеств, кажется, сильно пре-
увеличены.

Copyright © 2014 by Robert Jackson Bennett.
All rights reserved.

© Марина Осипова, перевод, 2015

© Дарья Кузнецова, иллюстрация, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

*Это художественное произведение.
Имена, персонажи и события вымышлены,
все совпадения с реальными людьми,
событиями и местами случайны.*

*Посвящается Эшли, которая помогает мне
верить в лучшее будущее*

И сказала им Олвос: «Зачем вы сделали это, дети мои? Почему небо скрылось за клубами дыма? Зачем вы отправились на войну в далекие страны и пролили кровь в чужих землях?»

И они ответили Ей: «Ты сказала, что мы народ Твой, и на нас Твое благословение, и возрадовались мы в сердце своем, и умножилось наше счастье. Однако увидели мы неких людей не из Твоего народа, жестоковыйных и невежественных, и не захотели они пойти под руку Твою. Не пожелали они открыть слух свой для Твоих песен и положить слова Твои себе на язык. И тогда приступили мы к ним, и сбросили их со скал, и обрушили жилища их, и пролили их кровь, и развеяли их по ветру, и праведны были наши деяния. Ибо мы — избранный народ Твой, и на нас Твое благословение. Мы Твои, и через это облечены праведностью. Разве не таково слово Твое, данное нам в прошлом?»

И Олвос ничего не ответила.

Книга Красного Лотоса, часть IV, 13.51—13.59

Злейший себя

— ...**В** таком случае, полагаю,— заявляет Василий Ярославцев,— речь должна идти о наличии умысла! Не правда ли? Я прекрасно понимаю, что суд может не согласиться со мной — этот суд всегда выносил решение исходя из последствий поступков, а не намерений ответчика,— однако все же спрошу: неужели вы наложите столь существенный штраф на честного, скромного предпринимателя — и за что?! За не-

преднамеренное причинение вреда? Да еще и столь... мгм... абстрактного, с позволения сказать, характера?

Гулкий кашель в зале прерывает напряженное молчание. Из окна видно, как тени облаков бегут по стенам Мирграда.

Губернатор Турин Мулагеш хочет печально вздохнуть, но не решается. И смотрит на часы. «Гражданин определенно в ударе,— думает она.— Еще шесть минут — и он побьет рекорд предыдущего говоруна...»

— И вот мои свидетели! Мои друзья... — начинает перечислять Ярославцев,— ...соседи, работники, близкие, мои кредиторы наконец! Эти люди прекрасно меня знают — зачем им лгать? И они раз за разом повторяли: это просто стечение обстоятельств. Неприятное — безусловно! Но совершенно случайное!

Мулагеш косится в сторону стола, за которым расположились члены Высокого суда. Прокурор Джиндаш с очень серьезным лицом сосредоточенно обрисовывает собственную руку на бланке Министерства иностранных дел. Слева от нее Главный дипломат Труни пристально разглядывает весьма объемные прелести девушки в первом ряду. Рядом с Труни, в самом конце стола, пустоует кресло, в котором положено сидеть приглашенному профессору доктору Ефрему Паньюю. Впрочем, профессор в последнее время нечасто тут появлялся. И хорошо, и отлично! Потому что присутствие профессора Паньюя в этом зале — да что там говорить, в самой этой проклятой стране! — сплошная головная боль для губернатора Мулагеш. Да.

— Я призываю Высокий суд,— и тут Ярославцев отважно колотит по столу,— к здравомыслию!

«Надо бы приискать кого другого,— мрачно думает Мулагеш,— чтоб вместо меня сюда таскался». Пустые мечты... Как губернатор полиса Мирград, столицы Континента, она обязана председательствовать на всех судебных заседаниях. Даже на таких дурацких.

— Общеизвестно — и вы обязаны принять это во внимание! — что я никогда не имел никакого на-ме-ре-ния!

Я вообще думать не думал, что знак, висевший перед моей лавкой, имеет... словом, имеет ту природу, которую имеет!

В зале поднимается ропот — все прекрасно понимают, что хочет, но не может сказать Ярославцев. Труни поглаживает бороду и подается вперед: девица в первом ряду скрестила ноги. Джиндаш раскрашивает ногти нарисованной руки. Мулагеш быстро оглядывает толпу, привычно выделяя больных и увечных: мальчик на костылях — рахит, женщина с коростой на лице — ветряная оспа, а что с человеком, что приткнулся в углу? Ладно, будем надеяться, что это просто грязь. Хотя... Так, нет, пусть это будет грязь. Ярославцев один из немногих континентцев, кто добился хоть небольшого, но успеха в жизни — он может позволить себе жилье с водопроводом. Так что в его лице мы наблюдаем отмытого от грязи представителя континентальной расы: бледнокожего, с грубыми чертами лица и темными глазами. Мужчины все как один заросшие бородами — смотреть страшно. Мулагеш и остальные сайпурцы являют собой полную противоположность континентальному типу: невысокие, тонкие в кости, смуглые, с длинноватыми носами и узкими подбородками. И привычные к более теплему климату — вот почему Труни кутается в эту нелепую медвежью шубу! Ах, солнечный Сайпур за Южными морями, как до тебя далеко...

В какой-то степени — причем в самой малой! — Мулагеш может понять равнодушие судей: Континент — жуткая отсталая дыра. Даже не так: Континент — упорствующая в своей отсталости дыра. Мрак и ужас. И зачем мы их оккупировали? Нищая, убогая страна... нет, понятно, зачем оккупировали, более того, у Сайпура о-очень уважительные причины для этого... «Кстати, а почему мы все еще зовемся оккупантами? — вдруг задумывается Мулагеш. — Мы здесь уже сколько? Семьдесят пять лет? Интересно, когда нас местные за своих признают...» Однако попробуй подойти к кому-нибудь прямо в этом зале и сказать: вот, на тебе денег, пойдешь купи лекарств и вымойся! Так нет же, континентцы тебе скорее в руку плюнут. От сайпурца им и медного гроша не надо.

И Мулагеш понимает, почему сайпурцев так презирают. Сейчас местные все сплошь бедняки и нищие, но когда-то континентцы были самой опасной, самой грозной на свете человеческой расой. «И они это прекрасно помнят,— думает Мулагеш, замечая, как кто-то смотрит на нее из зала с нескрываемой ненавистью.— Вот почему они нас так ненавидят...»

И тут Ярославцев собирается с духом.

«Так. Начина-аается»,— обреченно думает Мулагеш.

— У меня не было намерений,— четко и ясно выговаривает он,— придать моей вывеске сходство с талисманом какого-либо Божества, знаком небесной власти или сигилой какого-либо бога!

В зале тут же зашептались и зароптали — пока негромко. На Мулагеш и остальных сайпурцев эта пафосная речь не производит, впрочем, ровно никакого впечатления.

— Они что, не знают? — шипит Джиндаш.— Нам на каждом заседании по нарушениям Светских Установлений такое говорят! Сколько можно!

— Тихо,— шепчет в ответ Мулагеш.

Ярославцев понимает, что только что нарушил закон перед лицом власть предержащих, и это его воодушевляет.

— Да! Я не имел намерений выказать преданность какому-либо Божеству! Я вообще ничего — слышите? Ничего! — не знаю ни о каких Божествах! Не знаю, кем и чем они были...

Мулагеш хочет закатить глаза, но вовремя останавливается. Ну конечно. Так мы вам и поверили, господин Ярославцев. Да каждый — слышите! каждый! — континентец знает хоть что-нибудь о Божествах. А говорить, что не знает,— все равно что спорить с тем, что дождь — мокрый.

— ...И поэтому я не мог знать и предполагать, что знак, который я вывесил над своим магазином дамских шляпок, имеет сходство — совершенно случайное, заметьте! — с божественной сигилой!

В зале вдруг повисает молчание. Мулагеш поднимает взгляд: ах, вот оно что, Ярославцев просто закончил свою речь.

— У вас все, господин Ярославцев? — спрашивает она. Тот явно колеблется:

— Ммм... э-э-э... да? Хотя... да, да. Пожалуй, все.

— Благодарю. Можете присесть.

Слово берет прокурор Джиндаш. И выставляет на всеобщее обозрение фотографию вывески «Шляпы от Ярославцева». А под буквами четко виден довольно большой знак: прямая линия с причудливой завитушкой на конце — при желании в ней можно увидеть поля шляпы.

Джиндаш разворачивается на каблуках лицом к залу:

— Это ваша вывеска, господин Ярославцев?

Джиндаш коверкает фамилию, причем вряд ли специально: просто все эти континентальные имена — они же непроизносимые. Все эти «-цевы», «-чевы» и прочие «-овы» — поди их различи. Нет, если больше десяти лет, как Мулагеш, здесь прожил, все нормально, — но Джиндаш не жил здесь десять лет.

— Д-да, — отвечает Ярославцев.

— Благодарю.

И Джиндаш демонстрирует изображение судьям и всем присутствующим в зале.

— Прошу суд отметить, что господин Ярославцев признал, что эта вывеска — да, именно эта вывеска — принадлежит ему.

ГД Труни многозначительно кивает. Континентцы в зале тревожно перешептываются. Джиндаш открывает свой дипломат с видом фокусника, готовящегося вытащить из шляпы кролика, — и Мулагеш морщится: клоун отвратительный, поганец, и зачем его назначили сюда, в Мирград... Прокурор тем временем вынимает из чемоданчика печатный оттиск с похожим знаком: прямая линия, внизу завитушка. Но на этом рисунке линия и завитушка туго сплетены из виноградных лоз — вон внизу даже листики видны.

При виде знака зрители дружно ахают. Кто-то порывается осенить себя священным знаменем, но вовремя

спохватывается — они же все-таки в зале суда. Ярославцев вздрагивает и съезживается.

Труни фыркает:

— Ничего они не знают о Божествах, как же...

— Если бы distinguished доктор Ефрем Пангьюй присутствовал на этом заседании, — и Джиндаш указывает на пустое кресло рядом с Труни, — он бы без труда опознал бы в этом рисунке священный знак Божества... ах, прошу прощения, покойного Божества...

В зале поднимается сердитый ропот, и Мулагеш мысленно помечает: при любом удобном случае наградить этого высокомерного сукина сына переводом куда-нибудь подальше. И похолоднее. И чтобы крысы кругом бегали.

Джиндаш заканчивает фразу:

— ...известного как Аханас. Данная сигила, по мнению континентцев, способствовала плодородию, плодовитости и придавала жизненных сил. Помещенная же на вывеску, она служила косвенным знаком того, что шляпы из этого магазина способны наделить покупателя подобными качествами. И хотя господин Ярославцев может опротестовать это, я узнал от его поверенных, что дело его резко пошло вверх, после того как над магазином была помещена эта вывеска! Судите сами: квартальная прибыль выросла на двадцать три процента! Вы только представьте себе...

Джиндаш кладет рисунок на стол и показывает два пальца на одной руке и три на другой:

— Двадцать. Три. Процента. Каково?!

— Ах ты ж батюшки! — качает головой Труни.

Мулагеш в замешательстве закрывает лицо ладонью.

— Но как вы?.. — лепечет Ярославцев.

— Простите, господин Ярославцев, — цедит Джиндаш, — но сейчас моя очередь говорить, не правда ли? Именно. Так вот о чем бишь я. Светские Установления, принятые Сайпурским парламентом в 1650 году, прямо запрещают и объявляют вне закона любое публичное признание существования божественного на Континен-

те. Любое публичное признание — намеки и косвенные упоминания тоже. Никаких исключений! Произнести имя Божества вслух — точно такое же нарушение закона, как упасть на колени посреди улицы, выкрикивая молитвы! Любое подобное действие считается нарушением Светских Установлений и неотвратимо влечет за собой наказание. Что же до нашего дела, то существенное увеличение прибыли прямо доказывает, что господин Ярославцев повесил этот знак, осознавая, что делает, а следовательно, преднамеренно!

— Это ложь! — выкрикивает Ярославцев.

— Господин Ярославцев был прекрасно осведомлен о божественной природе этого знака. И совершенно неважно, что Божество, соотносимое с этой сигилой, признано мертвым. Совершенно неважно, что эта сигила, естественно, не обладала никакими особыми свойствами и не могла наделить никого и ничего никакими качествами. Важно, что умысел в данном случае — налицо. И потому действия господина Ярославцева квалифицируются как нарушение, влекущее за собой наложение штрафа... — тут Джиндаш сверяется со своими записями, — ...в пятнадцать тысяч дрекелей.

Толпа в зале угрожающе ворочается, ропот переходит в низкое злое ворчание.

Ярославцев шипит, брызгая слюной:

— Вы... не имеете права... как же так!

Джиндаш гордо шествует к своему креслу и опускается в него. И оборачивается к Мулагеш с гордой улыбкой. Вот так бы взяла и врезала ему кулаком по физиономии...

Как бы хотелось обойтись без этой трескотни и показухи! Дела о нарушении Светских Установлений очень редко доходят до суда — не чаще, чем раз в пять месяцев. Обычно в таких случаях ответчик предпочитает иметь дело с губернаторскими чиновниками. Но иногда... о, иногда ответчика посещает невероятная уверенность в себе. И в своей правоте. И тогда он идет в суд. И каждый раз итогом оказывается нелепый спектакль.

Мулагеш оглядывает набитый битком зал — даже за скамьями у стены люди стоят. На что любуются? Это же скучное разбирательство по дурацкому муниципальному иску! Как в театр пришли, понимаешь...

Хотя нет — какой театр? Они пришли не на суд посмотреть. И Мулагеш смотрит в сторону пустующего кресла доктора Ефрема Панъюя. Они пришли посмотреть на человека, от которого у нее сплошные проблемы...

Так или иначе, если дело о нарушении Светских Установлений доходит до суда, ответчик почти всегда проигрывает. За двадцать лет, пока она тут губернаторствует, Мулагеш всего три раза вынесла оправдательный приговор. А все почему? Потому что сайпурские законы делают из этих людей преступников. А они просто живут, как привыкли...

Мулагеш покашливает, прочищая горло.

— Обвинение представило свои доказательства. Господин Ярославцев, вам предоставляется возможность опровергнуть сказанное.

— Но... но это... это нечестно! — сердито заявляет Ярославцев. — Выходит, вам можно рассуждать о наших сгилах, а нам нет? Это наши сгилы, знаки наших богов, между прочим! Наши, а не ваши! Почему мы должны молчать?!

— Штаб-квартира губернатора полиса, — и Джиндаш широким жестом обводит зал, — с точки зрения закона является территорией Сайпура. Она не подпадает под действие Светских Установлений, применяемых только на Континенте.

— Но это... это возмутительно! Нет, это даже не возмутительно... это... это ересь! Самая натуральная ересь!

И Ярославцев вскакивает.

В зале суда повисает мертвая тишина. Все изумленно таратятся на Ярославецва.

«Отлично, — думает Мулагеш. — Только публичных выступлений против властей нам и не хватало».

— Вы не имеете права так поступать с нами, — упорно продолжает Ярославцев. — Вы уничтожаете все, связанное

с Божественным! Произведения искусства, книги — вы людей арестовываете за простое упоминание имени!..

— Мы здесь собрались не для того, — строго прерывает его Джиндаш, — чтобы обсуждать законы или историю.

— Нет уж позвольте! Мы будем обсуждать здесь историю, потому что ваши Светские Установления отказывают нам в праве знать ее! Я... да я раньше никогда не видел знак, что вы сейчас показывали, знак... знак...

— Знак вашего Божества, — безжалостно заканчивает Джиндаш. — По имени Аханас.

Мулагеш видит в зале двух Отцов Города — так в Мирграде называют членов городского совета. Почтенные мужчины смотрят на Джиндаша, в их взглядах читается холодная ненависть.

— Да! — восклицает Ярославцев. — А почему я не видел этого знака? Потому что его запретили! А ведь она была нашей богиней! Нашей!

Присутствующие оборачиваются на охранников у дверей зала — видно, думают, что те сейчас кинутся на Ярославцева и изрубят в куски.

— Вы что, хотите эти доводы привести в качестве опровержения? — усмехается Труни.

— А вы... вы позволили этому человеку... — и Ярославцев упирает обвиняющий перст в пустое кресло доктора Ефрема Панъоя, — ...приехать в нашу страну и прочитывать все наши легенды, все наши сказания... изучить нашу историю — которой мы сами не знаем! Не знаем, потому что вы нам запретили!

Мулагеш морщится: ну естественно. Этого следовало ожидать.

Нет, понятно, что на часах мировой истории возраст Сайпура как сверхдержавы исчисляется в минутах. А до Великой Войны в течение многих веков Сайпур был колонией Континента. Точнее, Божеств Континента, которые его завоевали и удерживали под своей властью. И в Мирграде этого не забыли — иначе с чего бы Отцы Города ворчат: мол, что за времена настали, господа при-